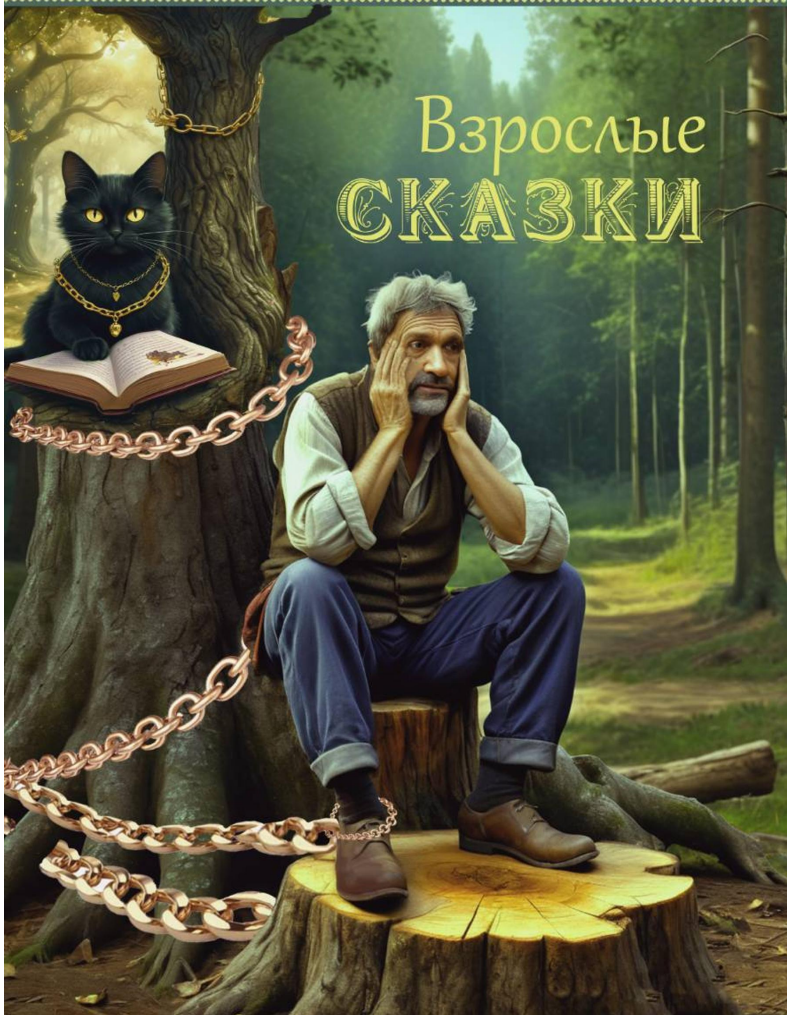

В.Н.Лукашук

Взрослые СКАЗКИ

Владимир Лукашук

Взрослые сказки

<https://litres.ru/74143892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказки любят не только дети, но и взрослые – это подтверждено жизнью. И, если наша жизнь порой настолько похожа на фантастические сюжеты, то разве удивительно то, что здесь написано? В данном сборнике перемеживаются художественные повести, новеллы и миниатюры с философским, мистическим или просто шутливым подтекстом. А какие они по жанру – фантастические или фэнтезийные, пусть определяет читатель. Но все они точно подтверждают нашу реальность, когда читатель в любом случае согласится: «Сказка, конечно, ложь, да в ней намёк».

Содержание

Предание о влюблённом органисте	4
Космолюбовъ	24
Те, кто за тобой	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Лукашук

Взрослые сказки

Предание о влюблённом органисте

(философская сказка для взрослых)

Посвящается двум великим мастерам органа –
Л. Боэльману и М.Таривердиеву

I

Трудно сказать точно, когда и в каких краях началась эта

история, затерявшаяся в веках. Зато известно, чем она закончилась.

Руины старинного замка по-прежнему стоят на высокой скале, обдуваемой ветрами. С трёх сторон он окружён густыми лесами, с четвёртой к нему льнёт море. Уже давно замок заброшен, его башни и стены обветшали, сквозь камни прорастает трава, а в бойницах завывает сквозняк. Ничто не указывает на то, что замок согревается человеческим теплом, и его окружает аура благополучия. А в былые времена жители окрестных селений вообще опасались приближаться к нему, хотя скрипучие створы ворот были открыты настежь, как бы приглашая войти.

Но нет! Никто не стремился туда. Даже шаловливые мальчишки опасались играть возле рва, заполненного мутно-зелёной водой. Шепоток перелетал от одних ушей к другим: дескать, не стоит испытывать переменчивую судьбу, коли твоё любопытство окажется сильнее предостережений.

Народ был осведомлён, что в замке обитает человек. Он проживал там так давно, что уже сменилось не одно поколение в местных селениях. Едва луна голубым плащом покрывала мрачные башни, фигура в тёмном камзоле, с факелом в руке появлялась на крепостной стене. Белобородый старец долго бродил, мелькая среди мерлонов. Но никогда не подавал никому ни знаков, ни звуков. И это всем внушало страх.

Было единственное проявление того, что старец не привидение, не дух бессмертный. Однако то обстоятельство ещё

больше смущало местных крестьян, ибо ему никак не находилось объяснение.

«Не пойму, как это возможно, — начинал вновь и вновь лесник для знакомых. — Мой отец слышал это, до того — мой дед и прадед. Всё одно и то же! Старик будто замороженный. Мои родные говорили, что мучает этого бобыля бесконечная боль. Именно она не даёт ему покинуть наш белый свет. И ладно бы сам мучился, так ведь и нам покоя не даёт».

Действительно, когда селенья уже засыпали, ближе к ночи то в одном запylённом окне, то в другом появлялось отражение факела. Старик поднимался всё выше и выше — в донжон (главную башню), где в незапамятные времена восседали бароны, поочерёдные хозяева жуткого замка. В какой-то момент их род прекратился, и в стенах воцарилось запустение. С тех пор и возникла печальная история. А люди со страхом ждали полуночи.

Старик поднимался в тронный зал, разжигал в камине костёр. Долго ворочал тяжёлыми щипцами поленья, давая им разгореться пламени. Потом грел свои, уже худые руки. Пальцы — самое главное, что было у этого музыканта. Он разогревал их, чтобы можно было играть, как встарь, когда явился юным в ещё дышавший жизнью замок. Сейчас огонь умиротворял старика, позволял унести в светлые годы, когда только научился играть у великого маэстро, и отправился в путь, чтобы отыскать свою счастливую долю.

По капризу судьбы юноша попал сюда. Не испугала мол-

ва, что здесь живёт чёрный барон, который водился с самим дьяволом. Что для молодости глупые рассказы, коли нужно зарабатывать на кусок хлеба, пестуя собственное искусство! Юноша был крепок телом, а на его чистом лице часто отражался восторг. Житейского опыта не хватало, зато хотелось свершить нечто необыкновенное! На расхристанных волосах едва держался берет с пером. Одетым в зелёный жакет и короткий плащ, он так и объявился в замке. О, если бы кто тогда подсказал, чем всё закончится!..

Впрочем, теперь старик не жалел о случившемся. Что предназначено судьбой, никому не дано преодолеть. Сейчас он поступил бы также как прежде, ради собственной любви. Жаль, что прошлое не вернуть! Хотя в мечтах мы часто верим, будто могли бы поступить даже лучше, чем получилось. И порой лелеем надежду, что не всё ещё потеряно. Пока...

Пока не произойдёт главное событие в нашей жизни. Какое? Неизвестно.

Барон был доволен его игрой на органе, и от того щедро платил. Юноша ублажал слух и владельца замка, и его гостей, и охраны из рыцарей. Лёгкие пальцы органиста летали по мануалам, рождая бесконечно чарующую музыку. Она неслась из серебристых труб вверх, к небесам, претворяясь то флейтой пастушка, то громом дождя. Она то плескалась мирным морем, то опускалась в глубокие пещеры, то вновь взмывала к солнцу. Святому звучанию органа можно было

изумляться бесконечно. Юноша играл так, будто это было в последний раз; он забывал обо всём на свете.

– Да-а, ты играешь великолепно, – повторял барон, поигрывая золотым медальоном на шее, в центре которого поблёскивала пятиконечная звезда. Он сидел на троне в бригандине с алым бархатом; ноги в высоких, кожаных ботфортах скрещивались впереди.

– Сир, – отвечивал юноша, – оргàn исполняет любую мелодию превосходнее всех инструментов вместе взятых. Уже за одно это я готов ему служить вечно. Оргàn – музыкальный алтарь Бога. Что же может быть лучше его?

При таких словах барон нахмурился и стукнул по подлокотнику трона.

– Мне не нравятся подобные разговоры, – сказал он с угрозой. – В моих владениях поклоняются совсем иному кумиру.

В этот момент в дверях показалась девушка с фиалковыми глазами в длинном, белом сюрко, затянутом на шнуровку.

– Папочка, не сердись на него, – произнесла она примиряюще. – Будь добрее. Чело барона просветлело. Дочь – единственное создание, что могло успокоить его страшную натуру. Она росла сиротой после смерти матери.

И на том неприятный разговор прекратился.

Только юноша с первого взгляда влюбился в прелестное создание. И ничего не мог с собой поделать! Её насмешливый голосок, её белые пряди волнами, её широко раскрытый

всему миру взор не могли оставить равнодушным никого! Потому юноша был очарован навек.

Девушке тоже пришёлся по нраву юноша, и взаимное притяжение между них всё усиливалось. Они порой встречались в укромных уголках, изливая друг другу сокровенные мысли и чувства. Они беседовали столь нежно, что будто не слова, а бабочки порхали между их устами.

Редкие встречи, скромные беседы, упование на будущее. Часто им даже не нужно было говорить, ибо любовь слышат сердцем. Он показывал на какую-либо клавишу органа, и она уже понимала, для чего та предназначена. Она показывала на облака, и он тотчас угадывал, на что они похожи. Оба, глядя в окно, любовались бесконечным прибоем, игрой лесных птиц, радужным мостом в небо. И смеялись общим шуткам. Девушку не отпускали из замка, и юноша приносил ей луговые цветы, за которые она была ему бесконечно благодарна.

Одна мысль беспокоила музыканта, словно заноза в сердце: «Барон никогда не позволит мне соединиться с ней законными узами». А им оставалось совсем немного до опасной грани, разделяющих всех молодых людей. И потому надо было на что-то решаться. Юноша спрашивал любимую, готова ли она к побегу?

– Нет-нет, – твердила с опаской девушка, – отец нас поймает и убьёт. Тебе надо уезжать отсюда, пока не поздно.

Юноша упрямо возражал:

– Никогда! Как ты останешься без меня?! Мы же покля-

лись быть вместе всегда.

И успокаивал не только милую, но и себя:

– Ничего, что-нибудь придумаем. Пока скажу твоему отцу, что буду учить тебя игре на органе. Вдруг ещё смилюстится.

Действительно, барон поначалу согласился, чтобы юноша обучал дочь музыкальным азам. Теперь им было легче встретиться.

Сладостны и желанны были те часы для обоих. Только неопределённость будущего отравляла радость. И тогда они поклялись: «В любви и смерти будем мы едины».

...Как-то днём в комнатку юноши постучала служанка в тёмном шапероне и платье до пола. Эта была ещё молодая, но, видимо, уже истрадавшаяся, женщина. Она появилась здесь после смерти матери девушки. Ей было известно о тайне влюблённых, однако до поры помалкивала. Сейчас служанка пришла, чтобы рассказать о том, что подслушала.

– Сегодня барон разговаривал с дружками-рыцарями, – прошептала она. – Ночью он проведёт чёрную мессу в честь своего господина – Люцифера. И ты должен играть для него на органе.

Юноша был возмущён и шокирован страшным сообщением, и вскричал:

– Не буду играть ради тёмных сил! Я отдаю своё искусство лишь Богу.

Женщина грустно покачала головой:

– Если откажешься, он принесёт тебя в жертву Люциферу. Ты уже не первый, с кем он так поступает.

– И что же мне делать?

Женщина, догадываясь, о чём хочет спросить юноша. Слегка усмехнулась:

– Именно для того всё им и задумано. Барон прознал, что ты встречаешься тайком с его дочерью. И посадил её в подземелье, потому что она не отказывается от тебя. Но я помогу вам.

– Что мне надобно делать?! – воскликнул юноша.

– Всё очень просто, – ответила служанка. – На вечернем пиру я подсыплю снотворного порошка барону и его рыцарям. Ты освободишь его дочь, и вы скроетесь.

Юноша замешкался. У него, конечно, не было особого выбора. И он согласно кивнул головой.

...Пир был в разгаре. Барон и его рыцари, как всегда, пили вино безмерно. А служанка подливала и подливала им из кувшина.

Владелец замка приказал позвать юношу. Когда тот явился, он произнёс:

– Ставлю тебе условие: либо играешь во имя Люцифера, и тогда я отдаю тебе дочь, либо...

В следующий миг барон вскочил с диким криком. Глаза его чуть не вылезали из орбит. От толчка со звоном попадали кубки и кувшины.

– Что со мной?! – заорал он в последней злобе. – Меня всего колотит, сердце вот-вот выскочит из груди.

Завопили от боли и его рыцари. Их охватил жар и безу-

мие. Они вскакивали и тут же падали замертво на пол или на столы. Лишь барон, как сильнейший, ещё держался за трон. Его глаза и служанки встретились.

Барон прохрипел:

– Это ты, мерзавка, меня отравила?

Женщина дерзко засмеялась:

– Да! Я отомстила за мою несчастную любовь! Помнишь, как затащил меня в это гнездо порока, обещая все блага, а после бросил, как ненужную тряпку? Я не прощу этого никогда!

– О-о, – застонала в мучениях последователь дьявола. – Я чувствовал, что тебя нужно было убить! За что мне это наказание.

Поражённый увиденным, юноша онемел. Его обманули?! Служанка сделала не совсем то, что обещала. О, коли знать бы, что в закоулках душ человеческих, тогда нам мнится, что можно предотвратить неотвратимое. Впрочем, теперь это вряд ли имело значение. Юноша лишь думал, жива ли та, ради которой он готов был на всё?

– Что смотришь? – поторопила его служанка. – Бери у него ключи и беги скорей в подземелье к любимой.

Юноша, было, кинулся к барону, у которого на поясе висели ключи, но тот оттолкнул его. Тогда женщина сама бросилась к барону, но он вытащил кинжал и ударил её в сердце. Бедная служанка упала, обливаясь кровью.

Барон в ярости закричал:

– Именем дьявола будь ты проклят мной! О, великий Люцифер, помоги в последний раз! Пусть моя дочь не достанется этому недостойному, а он пусть вечно мучается в своих неудовлетворённых желаниях.

И с грохотом упал ниц.

Юноша стоял, ошеломлённый, посреди зала. Ничто не нарушало мёртвую тишину. Затем он схватил ключи и помчался с факелом вниз. Долго метался по длинным коридорам, но нигде не находил девушку. И, наконец, в самом дальнем подземелье увидел за решёткой белую голубицу.

Юноша понял, кто это, и залился горючими слезами. Он гладил свою любимую, заточённую отныне в тело птицы, а она печально ворковала в ответ. В её фиалковых глазах стояли хрустальные слезинки. И никто не мог им помочь.

С тех пор юноша остался в замке. Он всё надеялся на чудо. Надеялся, что что-то изменится. А над замком в вышине каждый день парила голубица.

Так прошли годы, пока голубица не умерла, а органист не состарился. Похоронив любимую, он не желал покидать постылые места. И даже привык к призракам. Когда настенные часы громко отбивали полночь, притаившаяся в картинах, статуях, поржавевших доспехах нечисть вылетала наружу и начинали резвиться. Всё пространство наполнялось мельканием теней, блицами, шелестом, хохотом и воплями.

Впрочем, спиритическая круговерть не внушала старику страх. Даже когда призраки пытались напугать из-за угла или

задуть свечу, старец почти добродушно бурчал:

– Погодите-ка, я задам вам перца! Поднимусь наверх и начну опять великолепный концерт.

Когда пальцы старика становились тёплыми, он шёл к дальней стене, где стоял в окружении длинных труб – этих рвущихся к небу колонн – орган. И едва мощные звуки начинали сотрясать покои замка, нечистая сила бросалась врассыпную! А жители окрестных селений, слыша музыку, крестились.

Не появлялся в зале лишь главный призрак, который затаился где-то очень глубоко в подземелье. То был злобный дух самого барона. Однако именно его старик терпеливо поджидал.

II

На том история о влюблённом органисте не завершилась. Пируэты, которые описывает судьба, часто замысловаты, потому никто не ведаёт, что произойдёт далее. Казалось, заклятие чёрного барона невозможно снять. И отныне старик будет жить с вечной болью в груди, с болью об утерянной любви.

Однако, как известно, ничто не вечно под луной. Органист – вопреки всему – надеялся, что должно произойти нечто, что изменит его горький жребий. Ведь завершение предыдущего всегда таит в себе семя грядущего.

Однажды случился немыслимый ливень! Вспышки молний освещали башни, потоки воды с шумом лились с крыш.

И в промозглый час к мосту через ров подкатила красная карета с серебристыми вензелями. Управлял четвёркой рысаков форейтор в красном сюртуке с серебряными галунами, на его лице не отражалось никаких эмоций. У чёрных коней на лбу развивались султаны красных перьев. Старый органист впервые вышел с фонарём к воротам, всматриваясь во тьму.

Из кареты шагнула дама в длиннополом, красном платье. Её лицо скрывала вуаль, а на шляпки красовалась серебряная лилия.

– Кто вы, сударыня? – тревожно обратился к ней старец.
– Как вас занесло в такую непогоду сюда?

– Меня зовут Александра, – ответила дама звонким голосом. – Мы издалека, и нам негде остановиться. Можно найти у вас пристанище?

Старик, поколебавшись, кивнул. Знаком руки указал, чтобы следовали за ним.

Он предоставил незнакомке небольшую комнату; для форейтора предназначалась вторая. Лошадей он отвёл в конюшню. После отдыха дамы органист пригласил её на скромный ужин в тронном зале.

Когда она вновь появилась, на её головке уже не было шляпы. Ниспадая, рыжие кудри, словно обхватывали её плечи жгучим огнём. Спереди волосы удерживались резным, костяным гребнем. Крупные, голубые глаза смотрели без боязни. Чёрный, красивый жакет подчёркивал белизну её кожи.

Её лиф был сверху открыт, с шеи на грудь спускалась серебряная цепочка с медальоном в виде лазурного зрака. Изящество манер женщины выдавало её высокое положение. Возраст трудно было определить, ибо её обаяние служила незримой защитой от чужих помыслов. Окружающую обстановку она воспринимала, как должное. Видимо, она слишком много знала о жизни.

Органист предложил даме фрукты и вино. Однако она ни к чему не притронулась из еды и слегка пригубила из бокала.

– Как у вас темно, – произнесла дама, кивнув на плотно закрытые портьеры. – Разве вам неведомо, что свет Златошара суть Бога?

Органиста был смущён. Кто она такая? Его разбирало любопытство, хотя он старался умерить свои чувства. И сменил тему:

– Не желает ли, сударыня, чтобы я сыграл для неё произведение собственного сочинения? Я исполню его впервые.

– Послушаю с удовольствием. Как оно называется?

– Очень просто: «Музыка страсти».

Старик сел перед органо́м и сосредоточился.

Через минуту в зал ворвался безудержный океанский прибой, что сотряс застоявшийся воздух. Словно незримая энергия, копившаяся в пучине, наконец, вырвалась наружу. Словно жестокий шторм захватил слушавших. Затем словно водяной столб с шумом упал, всё разом успокоилось, и мелодия заструилась едва слышными переливами. Она как

бы напоминала о далёких истоках, когда всё только начиналось: как рос юный человек, как учился и мужал, как потом поддался тому разрывающему на части недугу, от которого нет эликсира, от которого нет спасения. Музыка плавно переливалась дивной палитрой красок – от нежно-розового до тёмно-фиолетового. Она баюкала тех, кто был влюблён, она обнадёживала тех, кто был охвачен блаженным безумием во всех его оттенках, она заставляла жить. Но уже подспудно рождались совсем иные, слишком тяжёлые ноты, предвещающие трагедию. В каденции тягостный минор ветром времени уносил всю прежнюю радость прочь...

Закончив исполнение, органист смотрел неподвижным взглядом в нотную тетрадь.

– Благодарю от души, – вдохновенно произнесла дама в красном. – Передать в музыке собственные страдания дано не каждому. Душа – наша суть после потери тела. Память о твоих воплощённых делах – это и есть тень души для оставшихся в живых. Воплотить свою любовь в музыке прекрасно и благородно.

– Да, я посвятил эту музыку моей любимой, – ответил органист. – Тем самым, я всё рассказал о себе. Теперь ваша очередь.

Через минуту незнакомка нарушила молчание:

– Я совершаю бесконечный путь сквозь пространство и время. Провидением предназначено, чтобы я помогала

страждущим. Меня невозможно удивить. Мне ведомо прошлое и будущее каждого. Беда лишь в том, что в моих способностях убеждаются тогда, когда уже невозможно что-либо изменить. Больше ни о чём меня не спрашивайте.

Губы Александры иронично дрогнули:

– Я вижу ваши сомнения... Именно так бывает, когда я произношу эти слова.

И почти сразу же добавила:

– Вам не страшно с призраками?

– Сударыня, я уже привык к ним. Они бестелесны, потому не могут сделать ничего опасного.

– Пожалуй, вы правы. Их даже можно пожалеть. Улетая, обычные души попадают в чистилище, где определяется, кто и куда их отведёт – ангелы или демоны. Лишь призраки до поры не расстаются с бранным миром, прячась в различных предметах. Бедные грешные души, если встретятся с Господом, сразу гибнут.

На лицо дамы легла печать печали:

– Я знаю, вы невероятно устали от душевных мук, и готовы уйти из жизни хоть сию же секунду. Не правда ли?

Пристально взглянув, старик отбил её вопрос встречным вопросом:

– Возможно ли это?

Александра утвердительно кивнула. И посмотрела испытующе:

– Я сниму заклятие тёмных сил, и на том ваш век кончит-

ся. Но перед тем хочу, чтобы вы ответили на самый открытый вопрос...

– Задавайте. Мне уже нечего терять.

– Вы, в самом деле, ни о чём не жалеете? Не упрямяство ли это старика, потерявшего другие возможности?

Органист молчал, собираясь с мыслями. Потом сказал:

– Для кого-то будет глупостью мой ответ, ибо у каждого собственная правда. Но посмотрите, сударыня! Если бы позже я повстречал иную девушку и разочаровался в ней, разве это не было бы подтверждением того, что первые мои чувства – самые верные? А, значит, наилучшие! Настоящая любовь вряд ли бывает дважды. Все последующие страсти – жалкое подобие. На примере служанке я убедился, как часто любовь превращается в ненависть, и не желаю себе такой участи. Кто жаждет разочарования от отчаяния? Зато наши дети могли бы быть счастливы, если бы родились в любви. Так зачем плодить несчастное потомство?

– Но часто говорят, что по любви мы совершаем слишком безумные поступки, – возразила Александра.

– Это не правда! – горячо воскликнул старик. – Из-за любви мы совершаем самые правильные, самые человеческие поступки. В юности я особо не рассуждал, лишь делая то, что подсказывает сердце. А сейчас понимаю, что был прав: счастье – в любви. Горе тому, кто не понял это ни сразу, ни потом.

И уже без колебаний спросил:

– Главное, увижу ли я в потустороннем мире мою милую? Дама в красном утвердительно кивнула:

– Без сомнения. Однако вы очень жаждете знать ещё кое-что. Не беспокойтесь, зло не бывает вечным. Только не спрашивайте ни о чём, потому что всё равно не поверите. После случая со служанкой вы никому не доверяете.

– Что ж, я принял решение, и ухожу туда, где рождается музыка, – побледнел затрепетавший органист. Ведь легко сказать, да трудно быть готовым, когда стоишь перед бездной! Одно укрепляло старика: он успел сделать всё, что хотел.

И тут часы пробили двенадцать. Магические удары отзывались громким эхом в замке. Александра встала:

– Никто ещё не заметил, как падает в краткий живой или вечный безжизненный сон. Да будет так и сейчас.

Сложив ладони, она начала читать молитву. А старик, сидя в кресле, истово вперился на её медальон, пока его веки не сомкнулись навсегда.

Дама в красном подошла к старику с зеркальцем, дабы убедиться, что он отошёл в вечный сон. И произнесла:

– Да упокоится твоя душа с миром.

Внезапно за её спиной раздался зловещий хохот:

– Я всё-таки одолел его! Он мёртв, а я по-прежнему властную своёму замке. Как приятен долгожданный миг!

Александра оглянулась. Из тёмного угла выступал призрак барона. Он выглядел почти как живой. Правда, если

присмотреться, замечалось, как его сущность колеблется в воздухе. У любого это вызвало бы ужас. Но не у Александры. Она спокойно возразила, подходя к окну:

– Наше нетерпение часто бежит быстрее наших возможностей. Ты ошибаешься. Кто препятствует жизни, тот, в первую очередь, губит себя.

В следующее мгновение она рывком раскрыла портьеры, и в зал полился солнечный свет.

Ошеломлённый барон в ужасе завопил. Его голос становился всё слабее вместе с бледнеющим образом, пока призрак полностью не растворился в лучах Златошара. От его медальона остался лишь чёрный уголёк.

Александра засмеялась:

– Трудно умирать дважды. Но никто не избежал предначертанного свыше.

Она забрала нотную тетрадь, чтобы сохранить её для людей. И чуть позже среди мшистых надгробий, что примыкали к замку, появилась новая могила. На ней появилась надпись: «Мы не были рабами наших чувств, мы были сами эти чувства...».

Уже днём карету незнакомки мчалась по одной из лесных дорог. Четвёрка рысаков с султанами красных перьев скакала туда, куда извечно направлял свой путь Златошар.

Следом из чащи вышел лесник и изумлённо покачал головой.

Космолюбовь

Нодж был сбит с толку.

До него только теперь окончательно дошло, что от рептилоидов из созвездия Сириуса всего можно ожидать! Но никогда не думал, что таким причудливым образом чужая жизнь соприкоснётся хотя бы краем с его личной. Перед его глазами промелькнули события последнего десятилетия...

– Не знаю, что мне делать, Нодж! – с отчаяньем воскликнул Кедж и грохнул огромным кулачищем по стойке в баре «Солнечное затмение».

Окружающие – в том числе гуманоиды и прочие представители внеземных цивилизаций – вздрогнули. Некоторые из них в очередной раз подумали с возмущением: «Эти противные земляне так непредсказуемы и грубы в поведении! Никакого межгалактического этикета».

– Как мне быть в такой глупой ситуации?! – продолжал неистовствовать Кедж. – Ответь, как настоящий друг, которого я знаю не первую сотню лет!

– Попрошу вас вести себя спокойнее, – протренькал электронно-вежливым голосом бармен-андроид. И занудно продолжил: – Злоупотребление алкоголем является источником многих как психических, так и соматических заболеваний представителей планеты Земля.

– О, господи! – вздохнул Нодж. – Сейчас тупоголовая кукула начнёт в сотый раз перечислять, каковы для нас последствия выпивки, начиная от шаткой походки до развития энцефалопатии. Когда же ему сменят программу!

– Что сделаешь! – хмуро отозвался Кедж. – По-моему, лишь у него есть ответы на все вопросы для посетителей из ближней Вселенной. Сейчас начнёт выдавать рекомендации по профилактике пьянства.

Друзья отвернулись от стойки, тогда как андроид продолжал нить монотонно-ровным голосом: – При перевозбуждении нервной системы землян в нашем заведении предлагают употребить 0,5 промиле старинной настойки 20 века под названием «Не рви мне душу!». Она очень хорошо успокаивает. Если вы продолжите нарушать общественный порядок, будете оштрафованы на двести астродолларов.

– Да пошёл ты!.. – огрызнулся через плечо Кедж и обернулся к Ноджу: – К какому там древнему персонажу посылали?

Андроид в момент стелепатировал и тем же бездушным голосом выдал:

– К дьяволу?

Стекловидные глаза существа заблестели ярко-оранжевым цветом, выказывая высшую степень весёлости. Он изрёк сентенцию, подразумевающую шутку:

– Как вы знаете, это мифическое существо являлось лишь виртуальным отражением в мозгу относительно незрелой

умственной деятельности человеческих индивидов на заре их цивилизации.

– Давай выйдем отсюда, – озабоченно предложил Нодж. – С этим квазиразумом бессмысленно спорить. Сейчас вызовет робокопов, и после оправдываясь перед тем же электронным судьёй, что ты всего лишь выражал генетически неискоренимые эмоции своих предков. На свежем воздухе и беседовать приятнее. А также безопаснее, учитывая недавно введённый запрет на бесконтрольное выражение эмоций.

Он поколдовал над кнопками в районе живота на своём цельноскроенном одеянии. Подключился к Супер-разуму, который полностью контролировал жизнедеятельность и безопасность антропоидов. Соединившись с ним, Нодж тепепатически заказал летний лес с деревянной беседкой, в каких очень далёкие предки предавались безмятежному времяпровождению.

Едва друзья вышли из бара, как в нескольких метрах от них за клубился туман. Они спокойно вошли в него, и тут же очутились в полуденном лесу с щебетанием птиц. Посредине поляны красовалась только что возникшая из ничего резная беседка.

– Рассказывай, дружище, что случилось в твоей семье? – похлопал Нодж собеседника по плечу, когда они присели за будто только что оструганный стол. – Ты же знаешь, что я тебя поддерживаю во всякой заварушке. Помнишь, как мы двести

пятьдесят лет назад надавали тумачков пришельцам с Альфы Центавра? Или как мы с тобой устроили спейсрейсерские гонки в запретной зоне вокруг чёрной дыры?

– Было дело... – начал Кедж, собираясь с мыслями. – Но понимаешь, получилось, как в древнем анекдоте. Возвращаюсь вчера из межгалактической командировки, куда меня посылал босс. Нужно было опять слетать за нейтронным топливом на Альтаир, где находится ближайшая заправочная станция точка для звездолётов. Особых проблем договориться с местными драконоидами о поставках топлива по сниженным ценам не было. Естественно, я возвращаюсь раньше срока на один галактический день. Мчал, понимаешь, от радости по космической трассе со сверхсветовой скоростью! Меня даже оштрафовали сотрудники космоинспекции, тормознув за нарушение правил межзвёздного движения.

Прилетаю домой. Захожу. Супруга смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я это воспринимаю, как следствие нечаянной радости от моего появления. И тут мой искусственный ангел-хранитель, который всегда незримо витает рядом, шепчет: «Загляни в шкаф Дианы».

Я подхожу, дверь шкафа автоматически открывается, а там... В тёмном уголке сжалось странное трёхголовое, си-не-пупырчатое существо с неким подобием крылышек.

– Что это?! – кричу вне себя от смешанных чувств – то ли от изумления, то ли от ярости. – Какой уж тут закон о

контроле чувств!..

– Разве не видишь? – пожимает плечами супруга, немного придя в себя от испуга. – Рептилоид со звезды Эпсилон Эридана. Его родина – экзопланета Эгир. В общем, эгирынец по-нашему.

– Я понимаю, что это даже не жалкое подобие человека! Но почему он здесь, в твоей комнате?!

– Ну-у, – начинает выкручиваться Диана. И я вижу, что дело не чисто...

А она лепечет:

– Он явился с тобой познакомиться и поговорить о... нашем совместном будущем. Потому не успела тебя предупредить.

– Какое совместное будущее! – кричу в бешенстве. – Или ты всё выкладываешь мне начистоту, или... – Правда, и сам не знал, что сделаю в столь двусмысленной ситуации: или себя с горя убить, или их, но тогда с кого начать? И перевожу взгляд на эгирынского уродца: – Говори, как ты здесь оказался?

Эгирынец от страха даже стал менять цвет из синего в серый. Все три маленькие головки потупил, молчит гад... Но ведь наш землянский язык широко распространён во Вселенной! И он должен был выучить хотя бы базисную основу в своей эридановской школе.

– В общем, – перехватывает инициативу моя жёнушка, глядя уже нахальными глазищами, – это мой давний любов-

ник, и я от тебя ухожу.

– Это как понять? – не понимаю я.

– А что ты хотел? – отвечает она вопросом на вопрос со всей странной женской логикой. – Я тебя по несколько десятков лет не вижу из-за вечных командировок. Надоело! Хочу, чтобы было как давно принято на Эгире: едва охладеют супруги друг к другу, так и расстаются. И даже меняются между собой в парах...

– А ты-то что? – в голосе Ноджа зазвенела сталь. – Проявил истинно мужской характер или нет?

– Как тебе сказать... – замялся друг. – Испугался я за нашу семью. Стал её уговаривать... Понятно, что Супер-разум запретил думать о всяких глупостях как любовь, нежность и ревность. Но тут что-то во мне шевельнулось невольно, – Кедж показал в область сердца. – Говорю, одумайся, Диана! Нашим двум детям всего три и четыре десятка лет, недавно лишь освоили в школе программу расчётов изменения климата на нежизнеспособных планетах и основы человеческой истории за последний миллион лет. Вот закончат учёбу, начнут осваивать дальние галактики, тогда расстанемся.

Но супруга упёрлась:

– Нет, и точка! У нас взаимные глубокие чувства. Ты посмотри, как он выглядит, когда превращается в человека.

И точно: этот рептилоид видоизменился, обратившись в такого красавца, словно с подиума межгалактического дома

моделей! Высокий блондин, знаешь ли, с голубыми глазами. Меня аж комплекс неполноценности заел...

Нодж покачал изумлённо головой.

– А моя вторая половинка... бывшая, – продолжил Кедж, – напирает дальше. Тебе, мол, до этого выходца с Эгира ой как далеко! У него совершенно новый звездолёт, летающей аж на астроплазме, не как у тебя – на допотопном нейтронном топливе. Кроме того, у него имеется большая космоферма с территорией радиусом в несколько парсеков. На ней он разводит внеземные фрукты и продаёт их нам, землянам, так как мы сами до сих пор не можем это освоить! А ты за столько веков работы на босса много заработал? Она, видите ли, даже собственного робота-парикмахера не имеет! Это правда – у нас только андроид-помощник старой марки. Не говоря уже о том, что мы никак не можем поменять жильё с Земли хотя бы на завалиющийся Марс. И потом она заявила тако-ое...

– Ну?.. – напрягся Нодж.

– Говорит, я давно мечтала об экзотическом обитателе других цивилизаций. Видите ли, этот чёртов рептилоид так страстно целует её сразу тремя головами! И, вообще, у него много других больших достоинств... После таких заявлений я уже не мог лицезреть мою жёнушку спокойно. Потому сразу согласился на развод.

Нодж с сожалением вновь покачал головой и поблагодарил судьбу, что последние пять тысяч лет после развода оста-

вался закоренелым холостяком.

Правда, этого он не сказал, пожалев друга. Более того, попытался его приободрить:

– Ничего, Кедж, Диана ещё одумается...

Действительно, через три десятка лет возникший возле уха Ноджа личный ангел-хранитель сообщил:

– С вами хочет поговорить ваш друг Кедж.

Нодж как раз возвращался из турпоездки по экзопланетам созвездия Эридана. Впечатлений от увиденных чудес хватало, и он до сих пор предавался воспоминаниям. Тут ещё в огромном звездолёте вместе с людьми летели выходцы как раз той звёздной системы – тоже с турпоездкой, но уже на Землю. И даже было забавно наблюдать за привычками инопланетян, ставящими в тупик. Особенно поражала их способность превращаться в любое существо.

Он небрежно кивнул порхавшему рядом ангелу:

– Конечно, соединяй...

Пространство перед Ноджем заколыхалось, и он увидел радостную физию материализовавшегося Кеджа:

– Дружище, она возвращается!

– Ты о ком?– О моей милой Диане! Она прислала сообщение, что ей очень быстро надоел тот идиот, который даже всеми тремя головами не может решить элементарной задачки – видите ли, за них это делает их общий мега-разум! Есть-таки преимущества у отсталых землян! И ещё она меч-

тает вновь вернуться в мои объятия. Кстати, Диана должна возвращаться тем же рейсом, что и ты.

– Да-да, – рассеянно отвечал Нодж. – Я рад за тебя, конечно.

Он никак не мог сосредоточиться на разговоре, так как наблюдал очередную метаморфозу рептилоидов. Видимо, это были две особи женского пола, которые превратились сейчас в весьма обаятельных фемин. Нодж услышал, как одна из них совершенно по-человечески томно проворковала подруге:

– Ах, я давно мечтала об экзотической любви с настоящим землянином. Кажется, моя мечта сбылась...

Ноджу показалось, что обитательница созвездия Эридана сильно смахивает на одну знакомую ему женщину, хотя её миленькое личико прикрывалось романтической шляпкой из сверхдалёкого двадцатого века. Он пробормотал:

– Теперь я точно никогда не женюсь...

– Что ты сказал? – спросил виртуальный образ Кеджа. – Плохо слышно – видимо, мешают гравитационные помехи.

– Нет-нет, дружище! – воскликнул Нодж. – Я от души желаю тебе счастья!

А про себя с тоской подумал: «Часто незнание деталей как нельзя лучше помогает сохранить любовь».

Те, кто за тобой

Но не сон ли я вижу, будто я пробуждён,
будто сны были жизнью, будто жизнь это сон?
(Мигель де Уномуно)

Вспышка света во тьме!

Не соображаю: что всё это значит? Тщетно силюсь вспомнить.

Это напомнило разгорающийся огонёк в сереньком экране старенького телевизора. Но какой к чёрту телевизор?! Что-то из глубин подсознания о некой прошлой, будто бы настоящей, жизни.

Ничего не понимаю. Как вообще я оказался здесь – в пустыне с острыми скалами?

Я облачён в странную униформу: синтез «милитари» с панцирными бляшками для защиты уязвимых частей тела. На голове... Да, что это?

Снимаю подобие полностью защитного шлема; он словно от скафандра, но практически невесом. Неужели такая штука может защитить? По его бокам трубки и ещё кнопки для крепления к одежде.

Постой! Что я положил на красный песок, когда присел оглядеть шлем?

Это явно какое-то супероружие. Оно слегка смахивает на древний автомат (господи, откуда я это всё помню?), но на

деле – прямо совершенство! На правой боку латиницей выведено: Lazgun. Правда, курок обычный. Зато остальное... Гладкий, почти без изъянов, приклад, плавно переходящий – всё из того же металлизированного материала – в ствол. Есть даже подствольник. Нащупываю на бедре подсумок с гранатами, похожими на маленькие ракеты.

А вот рожка нет! Так как же стреляет эта штуковина?

Внимательно осматриваю лазган, нажимаю кнопку на прикладе возле ствола. Вздрагиваю от жёстко-металлического голоса:

– Внимание! Вы в опасной зоне! Срочно зарядить ракетой подствольник! Срочно надеть шлем!

Едва успеваю натянуть шлем, как в воздухе возникает точка. Она быстро превращается в жёлто-железную гарпию.

Нажимаю на курок, и мгновенно возникший луч едва не сжигает чудище. Она успевает увернуться! Взмывает вверх.

Металлический голос предупреждает:

– Белая кнопка под курком – включить таргетную локацию.

Я внимаю приказу, будто загипнотизированный. Ясно одно: я вынужден подчиняться, чтобы выжить. Другой надежды нет, думать некогда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.